

Л.Я. Томас. ЖИЗНЬ Г.В. ЧИЧЕРИНА. М.: Собрание, 2010, 280 с.

Автор новой монографии о Г.В.Чичерине – немецкий историк Л.Я. Томас, специалист по истории России и Германии. В ее намерения входило показать, как дворянин, выходец из семьи, давшей России дипломатов, военачальников, ученых, становится революционером, а затем большевиком, готовящим мировую революцию, дипломатом и министром Советского государства в первое десятилетие его существования, как он нашел свою альтернативу подчинению всевластию сталинского режима (с. 8–9). В 60 – 90-е годы XX в о Г.В. Чичерине было опубликовано несколько работ¹. Но в те годы допуск в архивы Министерства иностранных дел СССР был ограничен и авторы не могли в своих исследованиях использовать архивные материалы.

Рецензируемая книга вышла с содержательным предисловием академика А.О. Чубарьяна. Он подчеркивает, что “в последние годы в российской историографии явно снизился интерес к советской истории”, “недоверие к прежним публикациям, разнбой, переходящий часто к противостоянию между историками в оценках того периода нашей отечественной истории, привели к тому, что в нашей современной литературе очень мало серьезных исследовательских работ по различным проблемам советской истории. Мало интереса к этим вопросам и у молодого поколения” (с. 5). А между тем открытие архивов позволяет обратиться к событиям тех лет с новых методологических позиций. За последние 20 лет большое внимание к советской истории можно наблюдать в исследованиях наших зарубежных коллег. “Мы нуждаемся сегодня в возрождении внимания к тем периодам советской истории, – отмечает автор, – к новым теоретическим и конкретно-историческим вопросам сущности

сталинизма и его проявлений во внутренней и внешней политике” (с. 5).

В системе советской внешней политики, в ее формировании и эволюции, в ее подъемах и спадах видное место принадлежало Г.В. Чичерину, возглавлявшему советское внешнеполитическое ведомство, подчеркивает А.О. Чубарьян. Чичерин “был щедро одаренным природой и воспитанием, высоко образованным человеком, с весьма непростой и противоречивой судьбой”. В книге Л.Я. Томас, которая впервые ввела в научный оборот значительное число новых важных документов из архивов России и Германии, “достаточно полно и объективно” воссозданы “общие линии” советской внешней политики и “место в ней Чичерина” (с. 6–7).

Автор рассказывает о детстве и юности Чичерина, его семейных связях, тесных отношениях со знаменитым дядей – Б.Н. Чичериным, известным деятелем русского либерализма, освещаются юношеская дружба с будущим поэтом М.А. Кузминым, знакомство с революционной молодежью Петербурга, работа после университета в архиве МИД, отъезд в 1904 г. из-за подозрений в его связях с революционерами за границу, где он становится до 1918 г.

В официальной публикации к 100-летию МИДа Г.В. Чичерину было поручено описание внешней политики России во времена А.М. Горчакова. Он намеревался написать книгу о Горчакове. Рукопись этой работы была издана в 2009 г.² Отмеченные Чичериным у Горчакова черты сравнимы с теми, которые приписывали ему самому (с. 39–40).

Первые годы эмиграции были проведены в Берлине. Он вступил в переписку с П.Б. Струве. У Чичерина быстро возникли контакты с социал-демократическими кругами в Берлине. Во время революции 1905–1907 гг. произошла размолвка Чичерина с тамбовскими родственниками. Переписка с ними той поры свидетельствует, что он верил в скорую победу революции не только в России, но и в Европе (с. 53). Чичерин, разочаровавшийся в

¹ Зарницкий С.В., Сергеев А.Н. Чичерин. М., 1966; Горюхов И., Замятин Л., Земсков И. Г.В. Чичерин – дипломат ленинской школы. М., 1974; О’Коннор Т.Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930. М., 1988; Соколов В.В. Неизвестный Г.В. Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД ВР – Новая и новейшая история, 1994, № 2; его же. Чичерин и НКВД. – Международная жизнь, 1993, № 3.

² Чичерин Г.В. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009.

либеральном направлении Струве, выступил в поддержку социал-демократов. Зимой 1907 г., помогая эмигрантам-революционерам, поток которых из России возрос, он начал работать в Заграничном центральном бюро российской социал-демократии и вскоре стал его секретарем. Чичерин был среди тех, кто поддерживал меньшевиков, в том числе и в финансовом отношении. В начале 1908 г. он был арестован вместе с другими 17 русскими эмигрантами немецкой полицией и обвинен в революционной деятельности, но ему удалось избежать обычной в таких случаях высылки под стражей в Россию. Но Пруссию он должен был покинуть.

После этого начались скитания: за Веной следовала Женева, дальше Париж, где произошла встреча с Ю.О. Мартовым, спорившим с В.И. Лениным. “Ленина Чичерин узнал и начал понимать постепенно”, начиная со встречи в Париже в 1910 г. (с. 60–61). Постепенно в годы Первой мировой войны он разочаровался в меньшевиках. В мае 1917 г. Чичерин сказал И.М. Майскому, что меньшевики это жирондисты русской революции и их ждет судьба жирондистов, что война его многому научила и сейчас все его симпатии на стороне русских яacobинцев (с. 69). В августе 1917 г. Временное правительство поручило ему расследовать деятельность российских осведомителей за границей. Но ни правительство А.Ф. Керенского, ни английские власти не были в этом заинтересованы. Получилось иначе: последние месяцы эмиграции Чичерин провел в английской тюрьме, так как в российском социал-демократе заподозрили немецкого шпиона.

После победы Февральской революции во Временном правительстве в Петрограде находились его товарищи по партии, но с ними у Чичерина тогда уже были глубокие разногласия. После победы Октябрьской революции нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий отправил Англии ноту с требованием его освобождения. После освобождения из английской тюрьмы Чичерин прибывает в Петроград. 21 января 1918 г. Совнарком поручил ему формирование нового внешнеполитического аппарата. Он становится заместителем наркома, а затем вторым после Троцкого наркомом по иностранным делам. Ленин не сомневался в преданности Чичерина делу революции и в его качествах дипломата. Но даже он не мог полностью оградить Чичерина от недоверия и прямых нападков, которым в новом окружении подвергался выходец из дворян, да еще и недавний меньшевик. “Тяга к деятельности по осуществлению мечты привела романтически настроенного Чичерина в стан верных сподвижников Ленина”, с которым он уже в пер-

вый год совместной работы дважды – в спорах о Брестском мире и в вопросе о сроках и условиях создания Коминтерна – шел на соглашение в силу убедительности его аргументов (с. 80).

Долгожданная германская революция породила уверенность, что настроения в Германии изменятся в пользу Советской России. Однако Ноябрьская революция 1918 г. не оправдала надежд российских революционеров, “она не стала социалистической”. Советская Россия была вынуждена ограничиться односторонним аннулированием Брестского мира. В 1919 г. Чичерин готовит Учредительный конгресс Коминтерна. Он, “вероятно, еще не мог представить, каким трудным окажется сочетание его профессиональной работы с убеждением в необходимости готовить мировую революцию” (с. 116). По предложению Ленина Чичерин написал на немецком языке брошюру для публикации в Германии, содержавшую призыв к германским рабочим выступить против грабительского Версальского договора и учредить по примеру русских рабочих диктатуру пролетариата под руководством Коммунистического Интернационала (с. 126).

Шок Версаля, в котором оказалась Германия, не мог не отразиться на советско-германских отношениях. Налаживались экономические контакты с Западом, в особенности с Германией (с. 133). На заседании ВЦИК 17 июня 1920 г. Чичерин заявил: “Сама действительность привела нас и другие государства к необходимости создания длительных отношений между рабоче-крестьянским правительством и капиталистическими правительствами” (с. 124). Но надежда на поворот к революции не покидала ни наркома, ни большинство в его окружении, подчеркивает Л.Я. Томас.

На Генуэзской конференции в апреле 1922 г. глава советской делегации Чичерин признал, что “в нынешнюю историческую эпоху” возможно “параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами” (с. 150). Контакты советской делегации в Генуе с Ллойд-Джорджем и предположения о возможной договоренности с англичанами за счет Германии заставили немецкую делегацию, в том числе и В. Ратенау, пойти на подписание договора с Россией в Рапалло. Чичерин видел в этом шанс прорвать дипломатическую блокаду. В Генуе он пытался урегулировать вопрос с долгами старой России, что вызвало протест Ленина и Политбюро ЦК РКП(б). Но “Рапалльский договор Ленин оценил как образец для всех последующих соглашений” (с. 154).

1924 г. стал годом признания СССР капиталистическим окружением (с. 187–188). Нарком успешно действовал на многих направлениях, устанавливая контакты и отношения не только с европейскими державами, но и со странами Востока.

На пост посла Германии в Москве после заключения договора в Рапалло был назначен известный политик граф У. Брокдорф-Ранцау. Контакты Чичерина с Ранцау переросли в дружбу (с. 237). И.В. Сталину не очень нравились тесные отношения Чичерина с немецким послом и группой других немцев, “которых ему проще всего было считать врагами, соблазняющими по-детски наивного наркома” (с. 193). Для Чичерина эти немцы в Москве были важны как проводники его политики в Германии, и он пытался защищать их от козней всевидящего ока ГПУ, представителем которого в НКВД был М.А. Трилиссер (с. 193).

Останавливаясь на отношениях Чичерина со Сталиным, автор подчеркивает, что Чичерин мог аргументированно, как это было, например, по поводу конференции в Лозанне осенью 1922 г., отстаивать собственное мнение по важнейшим вопросам. Сотрудничество Чичерина с новым руководством складывалось “бурно и неоднозначно”. Сталин был заинтересован в поддержании внутреннего конфликта в руководстве НКВД между Г.В. Чичериным и М.М. Литвиновым, их “взаимном недоверии и конкуренции” (с. 176). Чичерин подавал в отставку (письмо Сталину в мае 1925 г.), которая не была принята. Речь, правда, шла не о собственной болезни и разногласиях с Литвиновым, в центре стояли политические разногласия по Восточной политике с представлявшим правительство А.И. Рыковым (с. 189). Несогласованности в руководстве Наркоминдела наносили вред взаимоотношениям СССР с главными державами (с. 234). Чичерина будто не интересовали внутренние разборки во властной верхушке. Это можно объяснить по-разному, считает Л.Я. Томас, ситуация выглядела так, что альтернативой Сталину могли быть только Троцкий в союзе с Зиновьевым, что никак не устраивало Чичерина (с. 236).

Власти и, прежде всего, Сталин настойчиво отказывались освободить его от должности наркома, настаивали на продолжении его лечения в Германии. Чичерин не раз выступал с прямым непризнанием доводов и критикой тезиса Сталина, например, по поводу “социал-фашизма” социал-демократов, вошедшего в программу Коминтерна. Линия Коминтерна, по мнению Чичерина, не учитывала реальной ситуации в рабочем движении стран Европы, и в первую очередь Германии, наркома беспокоил вред такой линии для советской по-

литики. Высочайшей целью он по-прежнему считал мировую революцию. Путь к ней, по его мнению, лежит через укрепление СССР. Но это вовсе не значит – замуроваться в собственных границах и строить свой “социализм в одной отдельно взятой стране” (с. 252). 21 июля 1930 г. Президиум ВЦИК удовлетворил просьбу Чичерина и освободил его от обязанностей наркома в связи с уходом на пенсию. На первой пресс-конференции для представителей иностранной печати новый нарком М.М. Литвинов отметил, что изменений во внешней политике не следует опасаться, и он будет использовать опыт своего предшественника – блестящего дипломата и государственного деятеля.

Для пенсионера Чичерина прощание с миром затянулось еще на долгие шесть лет. Он занялся написанием книги о Моцарте. Предположение, что “Моцарт” – книга Чичерина о самом себе высказывалось неоднократно, хотя намеков на собственную судьбу автором нигде не высказан (с. 259). Умер Чичерин 7 июля 1936 г., он похоронен на Новодевичьем кладбище, на могиле стоит обелиск. Решающим в жизни и деятельности Г.В. Чичерина, пишет Л.Я. Томас, был синтез представлений, сложившихся у него на почве революционного марксизма и в соприкосновении с воззрениями консервативного либерала дяди Бориса. Став профессиональным дипломатом высшего класса, он сохранил убежденность в неотвратимости применения революционных методов преобразования. Как и Моцарт, он стремился к великой гармонии человечности и высшего Разума. «“У меня были революция и Моцарт”, так резюмировал сам Чичерин свою непросто прожитую жизнь» (с. 267).

В книге подробно исследован жизненный путь Г.В. Чичерина, он представлен не только как политик и дипломат, но и как разносторонне одаренная личность, талантливый исследователь, энциклопедист, продолжатель традиции своих предков. Неплохо высвечены отношения наркома Чичерина с ведущими зарубежными политиками и дипломатами того времени, его линия в острых спорах в руководстве СССР о дальнейшем развитии страны, его неприятие некоторых сталинских установок.

Книга не лишена отдельных недоработок. Очевидно, специализация автора на истории Германии и России не позволила избежать германского крена в повествовании, меньше места уделено другим направлениям внешней политики (что отчасти признает и сама автор монографии (с. 9). Хотя тема затронута, но хотелось бы более подробного освещения того, как Чичерину удалось заставить вернуться к

своим обязанностям часть сотрудников бывшего аппарата МИД, не принявшего Троцкого, и создать его на новых началах. Вне внимания автора осталась история с публикацией в первые годы советской власти секретных документов царского мидовского архива, вызвавшая не меньший шок в зарубежных политических кругах, чем нынешняя история с Викиликс. Приведенное автором высказывание И.М. Майского, что Чичерин уже в мае 1917 г., разделяя деятелей русской революции на жирондистов и якобинцев, выбрал сторону

якобинцев, требует подтверждения другими источниками.

В целом биографическое исследование Л.Я. Томас вносит заметный вклад в историографию советского периода российской истории, советской внешней политики, в освещение многих, в том числе доселе малоизвестных моментов жизни Г.В. Чичерина.

В.П. Любин,

доктор исторических наук,
ведущий сотрудник ИНИОН РАН

Г.П. Куропятник. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ. М.: изд-во “Наука”, 2009, 354 с.

Новая монография известного российского историка, ветерана отечественной американистики д.и.н. Г.П. Куропятника посвящена перипетиям одного из важнейших событий американского прошлого – Гражданской войны Севера и Юга 1860-х гг. Тематика эта насчитывает огромное число исследований в американской исторической науке и значительное количество трудов в отечественной американистике. 50 лет назад вышел коллективный труд 16 советских авторов “К 100-летию Гражданской войны в США”¹. Сам Геннадий Петрович к тому юбилею опубликовал небольшую книгу “Вторая американская революция”². От этих работ можно вести начало отечественной историографии Гражданской войны в США. Полвека спустя уже в преддверии 150-летия Гражданской войны Г.П. Куропятник издает солидную монографию, в которой, опираясь на широкий круг первоисточников и исследований, появившихся как до того юбилея, так и в течение 50 лет после него, осмысливает перипетии эпохального драматического события.

Еще 50 лет назад трактовка Г.П. Куропятником причин Гражданской войны отличалась от интерпретации его коллег. Для последних главным вопросом, вызвавшим к жизни войну, было негритянское рабство. Геннадий Петрович делал упор на значение аграрного конфликта между Севером и Югом по поводу государственного фонда незанятых западных территорий. И теперь он продолжает дискуссию со своими оппонентами: «Известная монография Р.Ф. Иванова “Авраам Линкольн и

Гражданская война в США”, основана на тезисе, что “именно проблема рабства... главный вопрос войны”, И.М. Супоницкая и другие историки также считают, что в конфликте между Севером и Югом главная проблема – рабство. Такой подход представляется поверхностным и упрощенным». Сам он отстаивает иной тезис: “К междоусобной войне привел страну не вопрос об упразднении рабства на Юге... а более глубокие проблемы экономического и политического характера, решение которых упиралось в главный вопрос – о власти в стране” (с. 14).

Среди “более глубоких проблем” Г.П. Куропятник на первое место ставит вопрос о распределении между жителями Севера и Юга государственного земельного фонда. Этот фонд создавался в течение нескольких десятилетий после окончания войны США за независимость. В конечном итоге он включил в себя обширные западные земли, в несколько раз превосходившие по площади первоначальную территорию США. По поводу распределения-продажи этих земель велись бесконечные дискуссии, а то и настоящие политические схватки между различными группами американского общества. Г.П. Куропятник обстоятельно их раскрывает. Острым был конфликт между верхними слоями общества – земельным спекулянтами и крупными плантаторами с одной стороны и средними и нижними слоями американцев – с другой. Верхние слои считали, что земли нужно продавать по цене недоступной или малодоступной для нижних слоев. Это обеспечивало верхним слоям монополию на приобретение западной земли, которую они приобретали крупными участками. Плантаторы создавали хлопковые рабовладельческие плантации, а земельные спекулянты распродавали землю крохотными участками мелкой

¹ К столетию Гражданской войны в США. Под ред. А.В. Ефимова, Л.И. Зубока. М., 1961.

² *Куропятник Г.П.* Вторая американская революция. М., 1961.